

МЕХАНИЗМЫ ПОИСКА ИНВЕКТИВЫ В ТЕКСТЕ MECHANISMS OF REVELATION OF INVECTIVE IN TEXT

Аннотация: В статье исследуются механизмы, применяемые при выявлении инвективных языковых единиц. Освещены основные проблемы данной темы и представлен анализ содержащих инвективу текстов.

Ключевые слова: инвектива; оскорбление; лингвистическая экспертиза.

Abstract: The article is devoted to researching of the mechanisms used in revelation of invective linguistic units. There are elucidation of the main problems of the field and analysis of texts containing invective.

Keywords: invective; offence; linguistic expertize.

В последнее время многими исследователями отмечается активная инвектизация речи. Инвектива проникает как в бытовой, так и в институциональные дискурсы, особенно в массово-информационный, что нередко влечет за собой судебные разбирательства по делам об унижении чести и достоинства. Вследствие этого возникла потребность в улучшении механизмов поиска инвективы в тексте со стороны как лингвистики, так и юриспруденции.

В ходе теоретических исследований мы пришли к выводу, что инвектива имеет двухплановый характер, то есть форму и содержание. При этом более важным параметром является содержание, которое включает в себя оскорбление собеседника (согласно О. В. Саржиной, инвектива как вербальная агрессия представляет собой намеренное вербальное оскорбление [4, с. 138]). Таким образом, при поиске инвективы в тексте необходимо ориентироваться именно на содержание. Разумеется, ненормативная форма инвективы является ярким маркером, особенно, если речь идет о бранной или нецензурной лексике, однако такие лексемы не всегда свидетельствуют о наличии инвективы. Эмоционально-экспрессивное, нецензурное по форме высказывание может не содержать интенции оскорбить и унижить честь и достоинство адресата. А. Н. Баранов приводит в пример известное разбирательство по делу об оскорблении журналистки Ф. Киркоровым:

И. Ароян (презрительно): А вы научитесь себя вести. «Звезда».

Ф. Киркоров (рифмуя): Да... П...!

В данном случае команда экспертов установила, что последнее слово во фразе Ф. Киркорова не является негативной характеристикой И. Ароян, выраженной в неприличной форме, а представляет собой языковую игру, построенную на рифме со словом звезда [1, с. 547].

В целом, состав нецензурной лексики русского языка до сих пор обсуждается. По утверждению В. М. Мокиенко, основу русской матерной лексики составляет популярная во многих языках «обценная триада»: мужской половой орган, женский половой орган и глагол, описывающий половой акт [2, 53]. И. А. Стернин утверждает, что к нецензурной лексике в современном русском языке следует однозначно отнести пять слов – нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения, а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащие в своем составе данные корни [2, с. 16].

Тем не менее, при отсутствии яркой формы поиск инвективы может значительно затрудняться, потому что в русском языке существует такое языковое явление, как имплицитная инвектива. Совместно с лексемами, инвективное значение которых является основным, наличествуют и слова, оскорбительный смысл которых раскрывается только в определенном контексте. Более того, окказиональное инвективное значение могут приобретать лексические единицы, для которых такое значение не свойственно узуально. Этот момент еще раз подтверждает важность исследования содержательной стороны инвективы при ее выявлении.

Еще одна проблема состоит в том, что состав инвективной лексики очень подвижен. Со временем в него включаются и исключаются как отдельные слова, так и целые лексические пласты. Так, популярные в начале – середине XX века инвективные слова «буржуй», «белый», «кулак» в настоящее время утратили негативное оценочное значение. Если говорить о современных процессах в инвективном лексическом составе, то в последнее время актуализировалось слово «шкура» в качестве презрительной характеристики девушки.

Рассмотрим, как происходит процесс поиска инвективы при проведении лингвистической экспертизы на примере материалов сборника «Цена слова». Выполняя исследование, эксперты четко следуют поставленным перед ними задачам. Типовые вопросы звучат так: «Содержится ли в материале лексика, которая оскорбляет и унижает N?», «Является ли слово X оскорбительным?», «Содержит ли выступление X оскорбление по отношению к Y?». При установлении наличия / отсутствия инвективы эксперты в большинстве случаев проводят лексико-семантический анализ спорной единицы: обращаются к толковым словарям для выяснения значений слова, оценивают потенциал функционирования лексем в современном русском языке. Например, слово «аферист» в толковом словаре Ожегова определяется как «человек, который занимается аферами, недобросовестными, мошенническими предприятиями, делами, действиями», вследствие чего эксперты делают вывод, что данное слово употреблено в значении, умаляющем честь и достоинство личности [5].

При этом лексикографические источники являются весьма спорным источником при проведении лингвистической экспертизы и поиске инвективы в тексте в целом. Безусловно, лексико-семантический анализ невозможен без помощи толковых словарей, но инвективное функционирование слова они отражают не в полной мере. Лингвисты вынуждены опираться на стилистические пометы,

которые зачастую выражают мнение составителя словаря по поводу функционирования той или иной лексической единицы, которое может не совпадать с выбором помет автором другого словаря. Так, в толковом словаре Ожегова лексема «сволочь» отмечается как просторечная и бранная, а в толковом словаре Ефремовой — разговорно-сниженная. По этой причине исследователями не раз заявлялась необходимость составления особого юрислингвистического словаря, который бы отражал инвективное функционирование многих языковых единиц.

Проанализируем на предмет наличия инвективы громкое заявление бизнесмена И. Коломойского в адрес М. Саакашвили. По данным интернет-СМИ, И. Коломойский назвал оппонента наркоманом: «Я считаю, нет смысла спрашивать с грязного сопливого наркомана до тех пор, пока он не пройдет курсы реабилитации от наркозависимости. Моя линия поведения – встречаться с ним в судах, отстаивать свою честь и достоинство там, получать материальную компенсацию. Саакашвили заявлял, что у него зарплата двести тысяч долларов – пусть с нее платит» («ТСН», 05.09.2015).

Слову «наркоман» в толковом словаре Ожегова дается определение «человек, страдающий наркоманией». Таким образом, с лингвистической точки зрения слово можно отнести к одному из разрядов инвективной лексики: оно обозначает антиобщественную, социально осуждаемую деятельность. Использование данного слова при условии непосредственной адресованности его какому-либо лицу является оскорбительным, то есть умышленно унижающим честь и достоинство лица в неприличной форме. Однако лексикографические источники при толковании слова «наркоман» не используют помет о разговорном, сниженном или бранном характере. Оскорбительный смысл этого слова «проявляется и диагностируется только при употреблении его в конкретном тексте, конкретной коммуникативной ситуации, при сознательной адресации говорящим слова или выражения конкретному лицу в акте речи» [2, с. 28].

Но если слово «наркоман» в современном русском языке имеет изначально отрицательную коннотацию, то следующий пример показывает, что инвективой может стать и слово, содержащее положительную характеристику человека: «Виктор Федорович, ты молодец! Потому что ты реально пробуждаешь народ. Даже самые затурканные и униженные начинают осознавать, что ничего кроме пахать и сдохнуть им не светит» («Цензор.НЕТ», 09.07.2013). В данном случае мы видим яркий пример имплицитной инвективы. Слово «молодец», которое является выражением похвалы, вследствие резко иронического оттенка высказывания приобретает абсолютно противоположное значение. Оскорбительное значение выявляется в ходе контекстуального анализа. Очевидно, что человек, которому приписывается безысходное положение «затурканных и униженных», молодцом в основном значении этого слова назван быть не может. Более того, переход на ты-форму в несоответствующей коммуникативной ситуации можно также считать маркером инвективного компонента, так как этот переход является реализацией интенции автора понизить социальный статус адресата.

Таким образом, мы видим, что при выявлении инвективы чаще всего используются методы лексико-семантического и контекстуального анализа, однако некоторые открытые проблемы необходимо решать для реализации наиболее полного исследования текста на предмет наличия инвективы.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – М. : Флинта, 2007. – 592 с.
2. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин [и др.]. – Ярославль, 2013. – 35 с.
3. Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. Берлин. – 1994. – № 1/2. – С. 50–73.
4. Саржина, О. В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Саржина. – Томск, 2005. – 209 с.
5. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Галерея, 2002. – 184 с.